ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

К Р И Т И К А

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ
№ 9(263) – 2018

О поэзии Натальи Егоровой

Олег ЕРМАКОВ. Егорова из войска хороброго

В этом году у замечательного поэта Натальи Егоровой юбилей. Надеюсь, появятся статьи о её творчестве. А в этих заметках – читательский отклик на ее два стихотворения.

О стихах Натальи Егоровой мне приходилось писать *(см. "Звенящая роза ветров", Русское поле, 2017 год, 6-й выпуск, moloko.ruspole.info/node/8466)*. В публикации этой было некоторое недоразумение. А именно, цитирую: "Автор сразу устанавливает некие знаки религиозности. Но всегда ли это оправданно? Не противоречит ли это известному предостережению от суесловия? Тем более, что порой та или иная священная строка звучит просто неловко. Ну, вот, к примеру: "Но ведь мы-то бессмертны, как Боги", – как её понимать? Какие еще "Боги"? Или это отсылка к рефрену "Мастера и Маргариты"? Но у него все же так: "Боги, боги мои!"".

И вот, уже после публикации Наталья Егорова пояснила в письме автору статьи: "Конкретно о Вашем вопросе – что за боги у меня в "Берестяной грамоте" – это не Булгаков – это 81 псалом Давида – "Я сказал – вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы; но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей". А потом в Евангелии от Иоанна это цитируется: "Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги". Это слова об обожении твари – о том, что Бог каждого человека призвал стать богом".

Признаюсь, что забыл эти речения, да и смутила меня здесь заглавная буква. Наталья, впрочем, писала об этом недоразумении без раздражения, что меня удивило. Известно, как легко впасть в немилость у человека творческого, а тем паче поэта. С этого началась наша скромная переписка. Ссылка на подборку и пришла в очередном письме Натальи, это стихи из журнала "Наш современник", опубликованные в четвертом номере за 2016 год.

И затеплился огонек давних юношеских чувств, воспоминаний. Ведь книги запоминают нас такими, какими мы бываем в те или иные периоды своей жизни. И стоит открыть ту или иную книгу, давно прочитанную, как былое возвращается. Речь о стихотворении "Прощание с Матёрой".

В те годы имена Распутина, Шукшина, Белова, Казакова, Трифонова были особым кодом. Читал – не читал? В зависимости от ответа распознавали людей. К этим именам почему-то неприменим был эпитет: яркий, модный. В них было что-то прикровенное. И вот это ощущение Егорова и затепливает в своем стихотворении:

И помним мы:
когда входил Распутин,
Досужие смолкали разговоры,
И раскрывалось медленное сердце,
Ведь что-то было в нём
всегда такое,
Чего не передать
бессильным словом,
Но передать стоустой тишиной.

И ведь точно, была в Распутине эта странная созерцательная тишина. Не знаю, говорил ли кто-нибудь об этом. Но вот Егорова сказала.

И только тихий
Валентин Распутин
Горит свечой на дальнем берегу.

Поразительный образ. На фоне Матёры – то есть затопленного целого мира.

А в рукотворных времени морях
Мелькают до сих пор,
светя в глубинах,
То Китеж-град,
то новая Матёра – Эсэсэсэр...

Хотя "не жаль мне, не жаль растоптанной царской короны" – сиречь символов КПСС, но как не жалеть потопленных деревень? И ведь это потопление продолжается. Потопление-разорение. Говорят, общемировой процесс, да от этого не легче. Кому нужна деревня? Убогая, отсталая, корявая... Тут вспоминается, как однажды Распутин сказал о пьяницах-бомжах, мол, да зачем-то они все-таки нужны. Удивительная фраза. Недавно мне довелось беседовать с педагогом и этнографом, руководителем туристско-краеведческого клуба "Гамаюн" Владимиром Ивановичем Грушенко в башне Маховой, где им создан музей "Смоленские украсы", и в ответ на реплику о "нерентабельности" деревни он заметил, что японцы думают по-другому, по специальной программе поддерживают деревни, традиционные занятия селян. То есть зачем-то японцам нужны деревни?

А у нас:

...Река сомкнула медленные воды
Над островом
с забытой деревушкой,
Над лиственем,
над кладбищем, над жизнью
Простых людей, не нужных никому.

А все-таки свеча Распутина горит. И этот свет уже неугасим.

О том же речь и в другом стихотворении – "Егорий Хоробрый". Это целая песнь!

Песнь дикого запустения: пустое поле, бурьян, сельсовет, как корабль на мели, реки, пашни мертвы, даже солнце мертвое. И в школе навеки закончен урок. Тоска и безысходность торжествуют. Вот оно – пораженье великой земли.

Как тут не вспомнить "Слово о погибели Русской земли". Перекличка явная. Но у Егоровой как бы продолжение, ведь в "Слове..." о самой погибели ничего и не сказано, точнее, на фразе "обрушилась беда на христиан..." памятник и обрывается. А этой фразе предшествует дивное описание Русской земли, ее богатства, неповторимой природы: "О, светло светлая и красно украшенная...".

Егорова продолжает живописать эту беду. К слову, об этом она ведет речь во многих своих стихотворениях. Не нашествие Батыя, а скорее нашествие временщиков. В "Прощании с Матёрой" она об этом так говорит:

И знаем мы: нерукотворно время,
Но рукотворны дамбы и плотины,
Что перекрыли медленное русло
Природного течения времен.

Мы сами виноваты в происходящем. "О какой же победе заводим мы речь?" – изумляется автор, словно очнувшись.

И эта строка из "Егория Хороброго" резонирует со всем известным феноменом последнего времени: о победе в Великой Отечественной столько говорят, поют, кричат, что можно подумать, будто она случилась совсем недавно и по заслуге нынешнего президента.

Победа, победа, – а земля Русская в разорении лежит.

И тут же следует чудная по красоте строфа:

Лишь черёмухи вымокшей
брызжет покров,
Да на губы летит одуванчиков пух,
И Егорий Хоробрый
пасет соловьёв,
Соловьиного войска пастух!

Георгий, сиречь Егорий, в переводе с греческого языка – "возделывающий землю". Святой Георгий Победоносец – защитник веры, воинов. И вот здесь, на наших глазах и свершается возделывание земли и защита веры и воинов.

Где осот и крапива
взошли на крови,
Там выходят поэты и песни поют
О священной Победе
и вечной Любви.

Даже в самих словах о запустении - сила и щедрость. Откуда же она берется?

Ведь известно давно –
кто посеет печаль,
Тот великою жатвою
песни пожнёт.

Из печали, веры и красоты, древних как Гомер, как мир. Разве не на печали взошли "Илиада" и "Одиссея"?

Потому и "клокочет, как колокол, древняя даль". Эта строка вровень с дымным дедовским большаком Твардовского из "Тёркина". Мне сразу на ум она пришла, тем более, что совсем недавно по этому большаку и возвращался из похода. Тут вспомнились и заснеженные долинки ручьев, в которых и таится эта великая черемуховая сила – егорьевских соловьиных войск.

Эту подборку стихов получил, вернувшись из похода, как обычно, в край Твардовского, в окрестностях Загорья. Больше недели бороздил на лыжах щедрые снега, выпавшие на исходе зимы и в самом начале весны, ночевал на ручье Городец, слушая робких синиц и перекличку двух сов – через ручей – поздно вечером, уже при звездах. Дорогу, которую пересек на холме, где когда-то стояла деревня Арефино, а сейчас чернели одичавшие сады, так занесло, что никто и не решился за неделю по ней проехать. Охотники не могли проехать, кто ж еще заглядывает сюда?

И, наверное, еще и поэтому услышалось мне эхо Загорья в "Егории Хоробром".

Но огнём самогоночка
в кружке дрожит,
И о павших гармошечка
плачет твоя.

У Твардовского:

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Ни щедрой выдачей здоровья
И сил, что были про запас,
Ни первой дружбой и любовью,
Что во второй не встретишь раз.
Ни славы замыслом зелёным,
Отравой сладкой строк и слов;
Ни кружкой с дымным самогоном
В кругу певцов и мудрецов...

Да и сам этот Егорий Хоробрый вдруг обретает черты не только святого христианского воина и мученика, но и бывшего нашего солдата, может, это в его руках гармошечка да кружка?..

И к нему, приглашенному в круг, обращен вопрос:

И скажи неутешную правду,
сам-друг,
Где хранится Победа
великой земли?

Через леса и звезды устремляется пытливая мысль, к Саваофу. И снова возвращается к земле, к соловьям в черемухах... Много соловьев, хотя и у одного в груди клокочет колокольная древняя даль. Грудь соловушки – а вмещает весь мир, космос.

Это ли не чудо, не спасение? Так прозреть слово?

Если в Слове творящем
запахан весь мир,
Значит, наша Победа
посеяна в нём.

Понятно, о чем речь, точнее, о ком, уж мы сильны Пушкиным да Достоевским, Толстым да Твардовским.

Но всё же, все жё...

Но гниют
разоренные сёлы без слов,
И без слов
потрясённое сердце болит.
Да и ты,
расплескав самогоночку вдов,
С партизанкой столетнею
плачешь навзрыд.

И снова вспоминаются зимние черные сады исчезнувшей деревни Арефино, через которую лежал мой недавний путь... Да и Загорье, точнее Сельцо возле Загорья, тоже еле живо, наверное, памятью о Твардовском только и живо.

"Егорий Хоробрый" теперь будет сопровождать меня в походах. А весной, надеюсь, услышу и песни других его воинов в черемуховых долинках.

Критик о критике

Вячеслав ЛЮТЫЙ. Приметы правды

Три статьи Андрея Тимофеева, Романа Сенчина и Сергея Морозова *(см. на сайте ДЛ)* написаны, на первый взгляд, об одном: о завтрашнем дне русской литературы и его нынешних предвестниках. Но на деле, перед нами три совершенно разных высказывания, только отчасти взаимно перекликающихся.

Начнем с того, что в тексте Тимофеева есть пристальное вглядывание в уже обнародованные тексты молодых писателей и желание увидеть там потенциал развития. Какого развития? Просторного в психологическом плане; внутренне если не противоречивого, то проблемного; ориентированного на родовое начало, пусть и в неявной степени; отражающего христианское понимание мира и христианское понимание себя. Важно отметить, перед нами не фиксация творческих успехов, но сам процесс "вглядывания" в молодую художественную литературу.

Примечательно, что, по замечанию другого критика, обозначенный Тимофеевым корпус прозы не отличается стилистическими изысками, то есть инструментальная оснастка его не бросается в глаза, но, безусловно, присутствует на ином, более глубоком и тонком уровне организации повествования. И это определено задачами, которые очень верно фиксирует критик: погружение в глубины ума и сердца персонажей, художественное исследование состояний внутреннего человека, а не только их обозначение и демонстрация в выразительном ракурсе недалекому и мимолетному читателю.

Тут совсем нет рассуждений о творческой судьбе молодых писателей, но постоянно прорывается желание понять координаты завтрашней литературы, число ее измерений и соотношение их с привычной реальностью.

Напротив, Роман Сенчин ведет речь, в первую очередь, о литературно-издательской карьере новой писательской генерации. И остается лишь удивляться вниманию критика к собственной прозе провозвестника "новых традиционалистов" Андрея Тимофеева. Тут важная часть статьи Сенчина, которая определенно показывает, что Тимофеев знает, о чем говорит, делает это убежденно и интонационно является, быть может, самым последовательным сторонником своих воззрений на завтрашний день нашей литературы.

Причем, совершенно неизвестен завтрашний день этого критика в пространстве русской прозы. Его книга "Навстречу" носит отчетливо установочный характер. Повести и рассказы, которые составляют ее большую часть, являясь очень яркими прозаическими произведениями, прежде всего, свидетельствуют об авторе, о свойствах его ума и движениях его души.

Роман Сенчин говорит о шумном вторжении в литературу в первой половине "нулевых" целого ряда новых, демонстративно самостоятельных имен. Однако отшумел ветер того времени, представления русского человека об обществе и государстве, в которых он живет, очень сильно изменились, но сама метрика его душевного пространства, если использовать математическую терминологию, осталась прежней и сегодня. И как раз именно о ней старается говорить в своей статье Андрей Тимофеев. И именно ее не замечает Сенчин, углубляясь в литературу как в инструментальное пространство, но не как в безграничный космос.

Можно сказать, что критик противоречит себе, с творческим уважением перелистывая страницы повестей и рассказов Тимофеева, по сути, своего антагониста, одновременно оглядываясь как на значимый пример творческого поведения на шаги вчерашних обладателей модного имени.

И такая интеллектуальная честность достойна признательности.

В работе Сергея Морозова вовсе нет внимания к текстам, которые выделяет Тимофеев, да и самого молодого критика-прозаика он саркастически относит к племени будущих литературных начальников, как бы подразумевая, что талант у того, скажем так, "неорганический", то есть искусственный или даже никакой. Хотя Тимофеев был воспитанником семинара прозы М.П. Лобанова в Литературном институте, а Михаил Петрович особое внимание уделял оттиску личности писателя в его произведении.

Морозов справедливо упрекает Сенчина в использовании "эффекта стаи" в процессе утверждения в литературной среде. Кстати, об этом синдроме упоминал и Лобанов. Путь успеха – это однозначный путь писателя или поэта модного. Пробы и ошибки, поражения и победы, признание и замалчивание – подобные характеристики хорошо перекликаются с судьбами настоящих русских писателей прошедших эпох.

И Морозов как будто солидарен с такой историей нашей настоящей литературы. Но вот беда, вся его статья написана сварливым тоном критика, который хочет быть непререкаемым арбитром в творческих спорах, а свои умозаключения не представляет ни в качестве предмета жестокой дискуссии, ни в виде откровенного объекта для битья.

Это образец критики авторитарной, беспощадной и не внимательной, но что хуже всего – равнодушной к жизни. Поскольку нет в тексте Сергея Морозова ни жалости к живому сердцу, ни горечи от нескладной судьбы, ни внимания к мучительным творческим поискам – только скрытая жажда успеха, когда критик станет, наконец, назначать и развенчивать литературных кумиров, чувствуя себя самой главной фигурой.

Но критик не может создать неповторимый художественный мир, и потому в жанровой иерархии всегда будет человеком вторым. И это не ущерб, но примета правды, которая соединяет подлинного писателя с его народом.

О книге прозы Александра Донских "Солнце всегда взойдёт"

Вера ХАРЧЕНКО. Опыт художественной оптики

При прочтении книги или статьи обычно в сознании возникают две плоскости: реальная, идущая от текста, объективная и – субъективная, ценностная, предназначенная кому же? Не мне ли, чтобы поделиться тем, что всколыхнулось?

Книгу Александра Донских открывает повесть в новеллах, написанная от лица сибирского мальчика Серёжи, повесть о его детстве, его семье. Даются несколько выразительных эпизодов, раскрывающих общую картину детства, непохожую на других и вместе с тем узнаваемую, знакомую, знаковую. Многодетная семья, непростые отношения матери и "непутёвого" отца, детские игры, обиды, страхи. Главное сказано, а всё остальное должно домысливаться, достраиваться? И нет здесь акцентов: всё взвешено, всё в восприятии ребёнка улажено, и название-то оптимистическое: "Солнце всегда взойдёт", а мы, тем не менее, чувствуем и скрытый трагизм семьи, и героику матери-труженицы, и много чего ещё… Но в своей рецензии мы будем говорить о второй плоскости, то есть о скрытой, внутренней, иррациональной (и гениальной!) вере в доброту отражаемого мира.

Вот мать объясняет маленькому Серёже его происхождение "от оленёнка", и мальчику хочется верить в красивую легенду, и так эмоциональное в детском восприятии увязывается с символом, а сказочное соотносится, совпадает с реальным.

"Где я нашла тебя? – переспросила мама и выразительно взглянула на папку; а тот, усмехаясь, покручивал свой жёсткий ус и курил возле открытой форточки. – Как-то раз ночью вышла я на улицу и вижу: несутся по тундре олени, много-много их было, ну, просто тьма. Умчались они, и только я стала заходить в дом, как вдруг услышала – кто-то плачет. Подошла, вижу: лежит на снегу махонький оленёнок. Сжа-а-а-ался весь. Взяла его на руки. В доме он отогрелся и сразу же превратился в мальчика. Это и был ты".

Всю повесть пронизывает утверждение идеи о должном главенстве отца, мужчины в семье, но проговаривается эта мысль к концу повести.

"Ты – голова семьи. Го-ло-ва! Представь себе, к примеру, коня или человека без головы да без мозгов. Ходят они по улицам и тыкаются туды да сюды. Вот так и семья без мужика – бестолковость одна, дурость да нелепость. Ты, мужик, – голова, они – дети, жена – твоё туловище, ноги, руки. Понял?".

Мысль писателя совпадает с исследованием Сергея Михайлова о том, что алкоголизм, разводы, атипичное интимное поведение, случаи мальчишеского суицида – слишком многие наши проблемы заточены как раз на том, что утрачено главенство отца. Не ощущение мужчины главным в семье приводит, в конечном счёте, к потерям общенационального характера. Живя по Домострою, Россия расширяла свои границы: Сибирь, Дальний Восток, Камчатка, Курилы, Аляска, Кавказ, Средняя Азия. В настоящее время нередко бывает наоборот. Жена занимает главенствующее положение в семье, держит мужа под каблуком, опускает "ниже плинтуса". Если в семье растёт сын, то, повзрослев, он боится женщин, становится гомосексуалистом, педофилом и маньяком. Если в такой семье растет дочь, то, повзрослев, она перенимает все манеры своей матери. Здесь именно тот случай, когда "бытие определяет сознание". Вспоминается известный мультсериал "Маша и медведь", и очень современные обозначения на Западе: родитель №1, родитель №2, и та самая безотцовщина, следы которой тянутся от давно прошедших войн, но меняют окраску сегодняшних дней.

Писатель Александр Донских передаёт тонкость детского восприятия, в частности, через пример так называемой терциарной речи, феномен молчащего наблюдателя. Это как раз и замечает переживающий внутрисемейный конфликт маленький мальчик:

"– Ну, пойдём, Серьга, порыбачим... маненько... а завтра крышу... кх!.. починим, – обратился папка ко мне, но я понял, что сказал он для мамы".

Александр Донских вскрывает глубинный секрет привязанности ребёнка к отцу:

"Мы, дети, почему-то не осуждали папку, хотя и немало из-за его чудаковатостей перенесли лишений. Может, потому, что был он без той мужицкой хмури в характере, которая способна отталкивать ребёнка от родителя, настораживать?".

Выразительно пишет писатель о матери, на которой всё держится в семье, на её умении одинаково, ровно относиться к своим детям.

"Лена – да, да, она была славной девочкой! – во всём и всегда первая помощница мамы, её, что называется, правая рука, но никогда не выделялась ею в свои любимицы. Наша мама, хочется отметить, была как-то ровна ко всем нам, своим пятерым детям; может, кого-нибудь из нас втайне и любила особенному, нежнее, что ли, но мы не улавливали разницу".

А эта аккордовая сценка в сарае, когда маленький Серёжа, в слезах, молится Богу, чтобы отец выправился, а мать, подошедшая сзади, ничего не сказала в утешение, только обняла сына:

"Она крепко обняла меня, и мы долго простояли замерши".

Эмоциональная мелодичность повести всё время пульсирует, играет негативом и позитивом, при этом характер каждого малолетнего героя автором прорисовывается весьма рельефно. Новеллы демонстрируют полиэмоциональность общения, того общения, которое стало дефицитом в современной "малопитенцовой" семье. Интересно, что, как и у Льва Толстого, у Александра Донских не последнюю роль играет художественное описание эмоциональных переживаний многодетной семьи. Старшая "назидательная" Люба вызывает у брата одни эмоции, маленький Сашок – другие, понимающая младшего брата Лена – третьи, а есть ещё Настя, и есть двоюродные брат и сестра, к которым они приезжают в гости.

Когда сейчас говорят об одиночестве взрослого человека, о травле в школах, о суицидах, по которым мы занимаем первое место, о "сэндвич ощущениях", когда на срединный возраст падает тяжелейшая обязанность одновременно заботиться и о детях, и о стареющих родителях, мы мало задумываемся о ценности традиционной многочленной и многопоколенческой семьи. Там некоторые проблемы снимались сами по себе. Добавим сюда же постулируемый лозунг "Молодые должны жить отдельно". Наконец-то получили долгожданное отдельное жильё, а дальше? Проблемы-то остались, если не усилились. "По американской статистике, супруги, выросшие в семье с несколькими братьями и сёстрами, разводятся реже, чем единственные дети в семье. Член большой семьи лучше умеет общаться и находить компромиссы" .

Вернёмся к книге. Казалось бы, ничем не удивишь подкованного современного читателя, однако она написана таким живым, сочным языком, что хочется читать, вчитываться, перечитывать. Повесть примечательна, например, мастерством художественной перцепции. Много внимания уделено запаховой информации, весьма прочно, как известно, связанной с эмоциями. Замечена психологами закономерность: писать или рассказывать о детстве – всенепременно вспоминать запахи.

"Я поднял руку, чтобы погладить жука, но он в мгновение ока исчез, будто его и не было. "Ну и лети. А я понюхаю жарок – маленькое солнышко". Во мне всегда рождается ощущение, что жарки греют и источают свет. Я бережно разомкнул нежные, начавшие увядать лепестки…".

Зрительный канал восприятия включает уникальные цветообозначения: словно бы шоколадом вымазанное густо-тёмное лицо; А небо смотрело на нас томно-фиолетово; …Из воды вылетел радужно-зеленоватый, красно-пёрый окунище. А вот оценка синего цвета:

"Саня нередко глубоко задумывался, казалось, без причины. Он был поэтом. И его душа мне представлялась синей, как небо... Что за цвет синий? В нём печаль и радость, мудрость и легкомыслие, волнение и безмятежность".

Мы взяли лишь несколько отдельных точек повествования, но все они демонстрируют неповторимое очарование текста.

В недавно изданную книгу вошли также четыре рассказа писателя. Рассказ "В дороге" самый объёмный. Герой его – капитан Пономарёв вынужден отправиться за убежавшим из армии солдатом Саловым, чтобы вернуть его в часть. Долгая дорога заставила капитана многое пересмотреть в жизни, прислушаться к словам: *"– Да мы чего-то и не думаем: бедно ли, богато ли живём, – снова не сразу, но в этот раз первой отозвалась Людмила. – Живём да живём, а всё про всё ведает только Бог. Известно: людское дело – жить да не томиться".*

...Сюжеты рассказов различны, но кое-что их объединяет: образ Сибири, прекрасной в своей непревзойдённости и далёкой, которая незаметно воспитывает, наставляет людей. Почему повествование "В дороге" столь объёмно? А потому, что капитану Пономарёву надо было пройти весь этот нелёгкий путь, чтобы захотелось ему стать таким же, как Виктор, чтобы принять законы тайги, когда гость в тайге, да ещё с перехода, выше хозяина и всех его сродников, чтобы понять, как немного человеку нужно собрать ягод на зиму, чтобы…

Это на поверхности рассказа, а в глубине умелая передача того, что кажется непередаваемым, в глубине – тайга с её стрелой Бурхана, Саянами, озером с дивной водой. Озеро-сердце…

"Несколько суток пробирались к стойбищу. Волглые, сумеречные ущелья и встопорщенные, вздыбленные буреломники, взъёмные взгорья и обрывистые спуски, заморозки утрами и нередко калящая жара к полдню, кровососущие облака мошкары и комаров, колючие, невылазные чащобники и заматеревшие гущиной, не пускающие вперёд травостои, прячущиеся в кустах злокозненные тряские болотины и неверные броды на реках, когда чуть в сторону – оп, и ты в яме, по маковку в воде, а ещё не везде мог олень пройти и – километрами "пешедралом", – да, тяжела, опасна, а зачастую и коварна земля тофаларская".

Читать и то тяжело, а идти? Но капитан шёл и учился. *"Выбрались наружу. Капитану Пономарёву показалось, что перед ним какое-то другое место – окрест преобразилось необыкновенно. Земля кипяще горела первозданными чистейшими красками".*

Как же всё это описывать, чтобы и ты почувствовал силу и святость тайги? Нагрузка ложится на язык. Вчитаемся: птица угугукнула, и не очень потёмочно, серо-грязевой гущиной, их губы и руки посливели, сложноцветно, радужно горела высокогорная вода…

"Встреч в пути было немало: оказывается, и тайга заселена народом. И радовало капитана Пономарёва, что встреченные им люди и чем-то явственным и чем-то неуловимым похожи на ставших дорогими его сердцу Виктора и Людмилу с её мальчишками".

Рассказ близится к концу, а читателю этого конца и не хочется. Дело в том, что нетронутая, неиспорченная природа сейчас редко становится объектом описания. Во-первых, её надо знать. Что непросто. И дело не только в названиях птиц и растений, лишайников и мхов. Попробуйте сами описать тяготы таёжного пути, как в вышеприведённом отрывке. Во-вторых, эту природу надо любить. В-третьих, уметь "жить да не томиться", а это сложнее всего.

В современной литературе сейчас правит бал постмодернизм: цитации, ассоциации, параллели – не до сюжетов. А по жизни сюжеты есть и требуют нового, свежего осмысления. Так и в рецензируемой книге: ситуации в армии – есть, пьянство в деревне – есть, надвигающаяся старость – тоже есть. Но при этом присутствует в рассказах и художественная оптика: умение не приукрашать изображаемое, но при этом высвечивать главное. В любом тексте просматривается моральное лицо творца. И читатель с благодарностью ощущает – через героев повествования – доброту автора, то есть то самое доверие к жизни, на котором всё держится и в Сибири, и за её пределами.